Глубокоуважаемые родные, друзья, ученики, сотрудники Дмитрия Александровича Варшаловича!

Примите мои глубочайшие соболезнования – ваша потеря невосполнима. Я понимаю вашу боль, испытываю её вместе с вами. Для меня Дима был не только близким другом, но и образцом научного работника, человека удивительной порядочности и чувства справедливости. Мы познакомились в 1958 в библиотеке, сразу после того, как я в качестве вновь поступающего в ФТИ завершил свой месяц в деревне. Интересно, что деревенскую повинность я отбывал вместе с Люсей, позднее ставшей женой Димы. Научная библиотека была не переполнена народом, и мы часто, делая себе перерывы, выходили поговорить. Разговоры были о физике, и уже тогда меня поразила Димина способность видеть глубокое общее в крайне далёких друг от друга процессах. Там, в коридоре у библиотеки, я впервые услышал о возможности существования космического мазера. Услышал о том, как свойства направленной телевизионной антенны можно воспроизвести на группке атомов, помещённых во внешнее поле.

Разговоры с Димой учили широким и смелым обобщениям, призывали, если не всегда в работах, то в мыслях охватывать самые разнообразные объекты окружающего нас мира. Он был первый на моей памяти, кто при защите кандидатской в ФТИ получил степень доктора. Многим было трудно тогда этот прыжок осознать, пожалуй, значительно труднее, чем когда его избрали членом РАН.

Он работал во многих областях, а знал, имел своё мнение и был готов обсуждать просто необъятный круг вопросов и проблем физики. Разговоры с ним всегда были для меня не только источником новейшей информации, но и наслаждения, последние десятилетия, так судьбе было угодно, довольно нечастого.

Как-то в Перудже известнейший спектроскопист показал мне свою настольную книгу – «Теорию углового момента», и сказал, что его мечта – познакомиться с Варшаловичем. «*Это было бы ярким событием в моей жизни*», – сказал он.

Сосредоточенный на своей работе, он, тем не менее, видел жизнь, как она есть, и если сталкивался с чем-то неправильным, а, тем более, недостойным, давал ему открыто должную оценку. Трудно найти человека, который в процессе получения награды от президента страны позволил бы себе с ним вступить в решительный спор. А Дима позволил.

Коллектив отдела теоретической астрофизики просто обязан ему своим существованием – его собирались уже расформировывать, но Дима понял, что коллективное наказание в данном случае не есть правильное наказание, пусть и за коллективный проступок. Он отстоял отдел, который стал, наряду с личными научными заслугами, великолепным памятником Диме. А отстоять отдел тогда было очень непросто.

Трудными были для него годы перестройки, с их обнулением зарплат научных работников, и вызванной этим нуждой, личным несчастьем, частыми болезнями. Нужда доводила до продажи личных вещей. В момент отчаяния он даже собрался продать свою квартиру, и только усилие близкого друга удержало его от этого шага. Однако ничто не было способно оторвать Диму от работы, или изменить высоким моральным принципам.

Он совершенно не портился с ростом известности и улучшения материального положения. Всегда торжественно одетый, аккуратный и чёткий, он казался мне ожившей фотографией крупного учёного дореволюционных времён. Можно только догадываться, сколь трудны были для Димы последние годы, когда Люся уже не выходила из дому.

Помню, осенью 2018 он мне сказал: «Мирон, я эту зиму не переживу». На этот раз он ошибся в расчёте, но всего на год. Людям нашего возраста грешно жаловаться – мы давно утратили некий лоск, когда об ушедшем говорят «он умер молодым». Но всё равно, потерю человека такого масштаба, в ясном уме и твёрдой памяти, считаешь преждевременной. А для меня закрылась ещё одна дверь в ФТИ, которую я столь много лет с такой радостью открывал.

Мирон Я. Амусья
22.04.20

Иерусалим